

В МИРЕ ДОБРЫХ ДУХОВ

Максим Чертанов

Артур Конан Дойл нередко жаловался, что Шерлок Холмс заслонил собою его другие книги. А книг много: исторические романы, мистика, «страшилки», публицистика, труды по военной истории, юмористика и даже любовные повести. Но есть у Дойла по крайней мере один персонаж, который не позволил великому сыщику себя затмить — эксцентричный профессор Челленджер, чьим невероятным приключениям посвящён новый сборник. У нас профессор больше всего известен по роману «Затерянный мир», где он с товарищами совершает экспедицию на южноамериканское плато, отрезанное от цивилизации, сражается там с доисторическими животными и людьми и чудом избегает гибели. Но уже в следующей книге о профессоре, «Отравленный пояс» (или «В ядовитом поясе»), его приключения из области действия переносятся в ещё более интересную сферу духа, и Челленджер впервые намекает на то, что смерть не страшна, ибо после неё нас ждёт нечто ещё более увлекательное. А в центральном романе сборника, «Земля туманная» (или «Страна туманов»), профессор столкнулся с загробным миром напрямую и, хотя и сопротивлялся, в конце концов был вынужден поверить в правоту спиритического учения.

Для Конан Дойла эта тема не случайна: он сам был идеологом спиритизма. Разного рода паранормальными явлениями он начал интересоваться примерно с 1885 года. Ему было тогда 26 лет, он был практикующим врачом, и любо-

пытство его было не мистического, а научного толка, ведь тогда психотерапия, гипноз, телепатия, вызывание духов, левитация — всё воспринималось как явления одного порядка. Молодой доктор Дойл упражнялся в чтении мыслей со своим другом, архитектором Боллом — ничего не получилось; посещал спиритические сеансы, где медиумы вызывали духов умерших, — решил, что это шарлатанство. На время интерес пропал, но потом другой его друг, генерал Дрейзон, известный астроном и математик, объяснил ему, что медиумы на тех сеансах были плохие, являвшиеся духи — глупые, а надо искать высокопрофессиональных медиумов и приглашать на беседу умных духов.

Доктор стал сам организовывать сеансы, пригласил известного медиума Хорстеда, и как-то раз тот передал сообщение от духа, категорически не рекомендовавшего доктору читать книгу автора Лея Ханта. Дойл тогда как раз думал, читать её или нет, но духа об этом не спрашивал, и ему в голову не пришло, что Хорстед мог заметить эту книгу (неразрезанную, а значит, как догадался бы Холмс, непрочитанную) на его столе. Он решил, что дух знает о его намерениях. И начался новый период увлечения необычным. Он читал эзотерическую литературу, увлёкся практиками индийских йогов, написал о них повесть «Загадка Клумбер-холла», заинтересовался трудами Елены Блаватской, но скоро ко всему этому охладел: он не любил ничего мистического, сложного, туманного, не терпел обрядности. Ему хотелось, чтобы общение с загробным миром происходило в будничной, домашней обстановке, а объяснения этого феномена не противоречили ни христианской религии, ни последним достижениям науки.

Он вступил в Британское общество психических исследований, изучавшее «все случаи, касающиеся проявления потусторонних сил»: среди членов этого общества были солидные учёные, знаменитые врачи и другие почтенные люди. Он получил полномочия выезжать в качестве наблюдателя на места, где происходили какие-нибудь странные события — «полтергейст». Однажды он провёл ночь в «доме с привидением» и слышал там непонятные стуки, а через несколько лет узнал, что в саду при доме найден труп ребёнка. Он познакомился со знаменитой Эвзапией Палладино, неграмотной крестьянкой, в экстрасенсорные способности которой верило множество серьёзных учёных, и под впечатлением от этой женщины написал жуткую повесть «Паразит». Но его самого тёмная сторона в экстрасенсорике и паранормальных явлениях не интересовала. От общения с духами он хотел одного — практической пользы для людей. Какой? Например, в раскрытии уголовных преступлений. Он написал статью о том, что следователям допустимо и даже нужно в некоторых случаях прибегать к помощи медиумов, общающихся с духами, и других экстрасенсов. (Кстати, некоторые следователи и сейчас это делают.) Он лично раскрыл два громких убийства и тем спас двух ошибочно обвинённых людей, Джорджа Идалджи и Оскара Слейтера: сделал он это посредством одной лишь логики и дедукции, как Холмс, но был счастлив, когда медиумы подтвердили его выводы. Когда Агата Кристи в 1926 году загадочно исчезла и её искала вся Англия, дедукция не помогла ему найти коллегу, но помог знаменитый медиум Хорэйс Лиф.

Долгое время доктор всё же сомневался в существовании мира духов, но две вещи помогли ему уверовать окончательно: книга его

друга Оливера Лоджа, учёного-физика, рассказавшего о том, что общается с духом своего умершего сына, и эксперименты в так называемом автоматическом письме, которые он проводил с подругой своей жены Лили Лоудер-Симмонс, обнаружившей дар предвидения. В 1916 году он объявил, что отныне знает точно: мир духов есть и с ним можно и нужно общаться. Он опубликовал труд «Новое откровение», где изложил свои взгляды на жизнь и смерть. Рассказал (со слов духов, которых приводили к нему медиумы), как всё будет на том свете: мы будем, как и здесь, одеваться и обуваться, даже пить и курить, если уж не можем обойтись без этого, будем заниматься интересной творческой работой, и все, кто любил друг друга при жизни, будут навеки вместе. Конечно, раз есть глупые и злые люди, то и духи из них выйдут такие же, но в ад они не попадут: с такими духами будут заниматься высшие духи, добрые и умные, и помогут им стать лучше. А самый добрый и прекрасный дух, на которого всем надлежит равняться, — это дух Иисуса Христа. А раз люди теперь знают, что ждёт их после смерти, то, по мнению доктора Дойла, они и при жизни непременно станут добрее и лучше, прекратят братоубийственные войны и будут стараться прожить жизнь, беря пример с Христа, чтобы потом не пришлось перевоспитываться.

Вскоре на фронте погибли его старший сын Кингсли и любимый брат Иннес. Джин, его жена, объявила себя медиумом и стала регулярно устраивать сеансы, на которых Конан Дойл мог поговорить с сыном, братом и другими умершими людьми. (Правда, первую жену своего мужа она почему-то ни разу на эти сеансы не вызвала.) Вместе с Джин он ездил с проповедями спиритической веры по всему миру,

растратив на это большую часть состояния, нажитого благодаря Шерлоку Холмсу. Подружился со знаменитым иллюзионистом Гудини и пытался его обратить в спиритизм. Он написал десятки трудов по истории и теории спиритизма. Он даже общался в одном лондонском доме с призраком Владимира Ильича Ленина... Самому ему в экстрасенсорных способностях по иронии судьбы было полностью отказано, но он верил всем профессиональным медиумам. Он был невероятно доверчив: если какой-нибудь почтенный человек и джентльмен говорит, что общался с духами, значит, так оно и есть. Его не смущали разоблачения медиумов как шарлатанов: пусть медиума 99 раз поймали на мошенничестве, но если в сотый раз поймать не смогли, значит, в этот раз медиум не плутовал, а творил чудо.

В «Туманной земле» он описал жизнь и быт лондонских спиритических кружков и свой путь к спиритизму. Но он был прежде всего беллетрист-профессионал — и понимал, что читателя проповедями добродетельной жизни не увлечёшь: в романе почти нет теорий, зато есть невероятные чудовища, ужасы, интриги и приключения. (А для тех, кого всё-таки интересует теория, составители сборника в качестве приложения к «Туманной земле» привели выдержки из его спиритических трудов.) В последние годы жизни над Конан Дойлом почти все смеялись. Но он умер счастливым, твёрдо веря, что на том свете воссоединится с любимыми людьми и будет, как прежде, писать книги.